

Газета "Частная жизнь" как-то опубликовала статью под интригующим заголовком "Я была любовницей Берии". Со смакованием альковных подробностей в ней рассказывалось о связи Берии с Н. Алексеевой, работавшей в то время в хоровом ансамбле радиовещания. Прочитав эту статью, Нина Васильевна сквозь слезы обиды сказала: здесь много лжи, а главное,

Я БЫЛА НЕ ЛЮБОВНИЦЕЙ, А ЖЕРТВОЙ БЕРИИ

Сейчас она пишет книгу о себе и о нем. Так получилось, что пути их действительности пересеклись.

В 1942 году на одном из концертов Лаврентию Павловичу пригласилась юная хористка. Пышноволосая, стройная, она и впрямь была очень красива. Он приказал новости справки и вскоре узнал, что зовут ее Ниной, что уроки пения она берет в консерватории у известного педагога профессора А. Петренко, что ее муж — Ребров, военный.

А вскоре начались преследования. Галантный офицер останавливал ее на улице и настойчиво предлагал познакомиться с "очень большим" и "очень уважаемым" человеком, который к ней неравнодушен. Узнав, кто этот "большой человек", она пришла в ужас. Оставалось одно — скрыться. Нина спешно отправилась с бригадой артистов на фронт. Выступала в боевых частях, переезжала из города в город. Казалось бы, все обошлось, история на том и закончилась. Но за три дня до капитуляции Германии муж Нины Васильевны, работавший в штабе по руководству партизанскими отрядами, был арестован чекистами. Никаких сведений о его судьбе она не имеет и по сей день.

После ареста мужа Нина Васильевна вновь бежала из Москвы. Жила в Калининграде, возвратилась лишь через год, поступила в ансамбль радио. В это же время встретила полковника Дмитрия Алексеева — человека ин-

теллигентного, серьезного, доброго и скромного. Они поженились. Прошлое постепенно стало забываться. И вдруг однажды вечером, когда она возвращалась с работы, путь ей преградил военный, "Имею честь представиться", — сказал он, — полковник Рафаэль Саркисов. У меня есть для вас важное сообщение. Но здесь нам говорить неудобно, давайте сядем в машину". Неподдалеку за углом стоял роскошный правительственный лимузин. "Возможно, он что-то расскажет о судьбе Реброва", — подумала она, следуя за Саркисовым. Но едва дверца захлопнулась, как машина тронулась...

Из рукописи Н. В. Алексеевой:

"...Машина въехала в ворота бериевского дома.

— Что это значит? — спросила я в ужасе. — Как вы могли так поступить со мной?

— Не пугайтесь, — ответил Саркисов. — Сейчас я вам все объясню. Вас случайно увидел из окна мой хозяин. И узнал. Помнит вас с давних лет по ансамблю, в котором вы тогда выступали. Но потом вы исчезли с его горизонта. Не отказывайтесь от встречи с ним. Он вас не обидит.

Вскоре передо мной предстал Лаврентий Павлович Берия. В пенсне, с большим хищным носом на улыбающемся лице.

— Вы меня ждали? Рад вас видеть, моя дорогая. Мечтал о вас несколько лет.

Кажется, восемь лет прошло? Но судьба нас все-таки свела.

В столовой стоял огромный стол, уставленный дорогими яствами. Посередине на белоснежной скатерти блестели позолоченными этикетками две бутылки. Я со страхом смотрела на все это, не зная, о чем говорить.

— Вы так молчаливы, — пытался успокоить он, — не волнуйтесь.

Показав на жареную дичь, спросил:

— Вам положить? Вы ведь с работы — время покушать.

Положил кусок, добавил к нему зелень, полил соусом.

— Это тетерка. Только убита в охотничьем хозяйстве. А вино из новороссийских погребов еще царского времени. Оно поставлялось во дворец и пил его Николай — сам царь российский.

Затем заговорил об искусстве. Поведал, что Климент Ворошилов неплохой певец, берет уроки у Неждановой.

— Я, правда, не учился петь, но пою, — похвастался он. — Мне даже обещали будущее. Ну, кушайте, не стесняйтесь. Я надеюсь, вы не провинциальная барышня и мы хорошо проведем с вами время...

После этого полковник Саркисов приезжал за ней регулярно. Боясь потерять любимого мужа, она вела двойную жизнь. Каждый раз, когда Берия хотел с ней встретиться, командование отправляло мужа в далекие командировки.

Однажды полковник Сар-

кисов приехал за Ниной Васильевной прямо к ней домой. Оказавшись в московской коммунальной квартире, он был поражен.

Из рукописи Н. В. Алексеевой:

"— Боже мой! — воскликнул Саркисов. — Вы с такими возможностями живете так стесненно! Сколько же человек здесь проживает?"

— Двадцать пять в шести комнатах, — ответила я.

— Нет, это нелегально! Я обязательно скажу Лаврентию Павловичу о том, как вы живете.

— Мне не нужно никаких благ, — возразила я. — Не знаю, чем я так нравлюсь Лаврентию Павловичу.

— Что вы! Он думает о вас, ждет. Поедем, не отказывайтесь. Не следует огорчать такого человека. Он нужен нашей стране. Работает день и ночь. Вы доставите ему радость...

Тон его начал меняться, послышались приказные нотки:

— Если вы будете сопротивляться и я вернусь без вас, могут быть большие неприятности. Он может рассердиться...

Да, я знала, что Берия — человек мстительный, и боялась, что он поступит с Дмитрием так же, как поступил с Ребровым...

Однажды Берия привез ее с собой на дачу Сталина в Кунцево. Там были гости, уже началось большое застолье, звучали тосты. И все пили, не смея отказываться. Она пом-

нит хозяйина — невысокого, сгорбленного, во френче, с большими рябинами на лице — бледно-желтом, морщинистом. Он подал ей руку, улыбнулся. "Не знаю, — говорит Нина Васильевна, — что ему было известно о

менно он мог быть личным и обходительным. И вел себя, как обыкновенный ловелас. Правда, ловелас, обладающий неограниченной властью над своей избранницей.

— Я не верю в эти истории о малолетних девочках, которых ему якобы доставляли, а затем убивали, — говорит Нина Васильевна. — У него и без этого грехов более чем достаточно, чтобы попасть в преисподнюю.

— Вы верите в Бога? — спрашиваю я.

— Без веры жить нельзя. Вы же видите, у меня есть икона. Ужасным было наше поколение, безбожным. И чтобы прийти нам к образу человека, нужно вернуться к религии. Я поняла это давно, еще на фронте. Когда рядом со мной разорвалась бомба, я молилась. И это помогло мне преодолеть страх. И сейчас, когда я помолюсь, мне становится легче. Вера — это добро. А нам сейчас так не хватает добра!

— Трудное время.

— Очень трудное, — подтверждает она со вздохом. — Я ведь не политик, а простой обыватель. Но мне становится страшно, когда я слышу призывы вернуться к прошлому. Опять кричат: "Дайте нам Ленина! Дайте нам Сталина!" Семьдесят два года нас обманывали, держали в страхе. Мы же были настоящими рабами! А нас опять хотят вернуть в прежнее состояние эти Нина Андреева, Анпилов, Жириновский. Уверяют, что тогда, в прошлом, было лучше. Кому лучше? Тем, кто ел деликатесы и пил вина из царских подвалов? А я хорошо помню голод тридцать первого года на Украине и трупы умерших от голода людей на улицах Москвы. А как мы боялись по ночам шагов на лестнице. Как нами помыкали, как нас топтали наши благодетели — партийные вожди. Нет уж, как ни тяжело нам сейчас, того прошлого я и врагу не пожелаю.

Александр ПУТКО.